

УДК 398
ББК 82.3(5Япо) +
83(5Япо=Рус)6

ЯПОНСКИЙ ФОЛЬКЛОР В РАБОТАХ А.А. ВАНОВСКОГО И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РУССКО-ЯПОНСКОГО КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА

© 2018 г. А.Л. Налепин

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 30 марта 2018 г.

Дата публикации: 25 декабря 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-276-297

Аннотация: Статья посвящена судьбе и деятельности в России и Японии Александра Алексеевича Вановского (1874–1967), профессионального русского революционера, ставшего в японской эмиграции оригинальным религиозным мыслителем и литературоведом. Особое внимание уделено истории рецепции Вановским японской фольклорной культуры через призму мифологической системы («Кодзики» в сравнении с Библией). Статья определяет роль фольклорного вектора этих исследований, вводит в научный оборот новые материалы, исследует механизмы функционирования больших и малых культурных трансферов и продолжает исследовательскую тему «Фольклор в трудах русских философов первой трети XX в. (В.В. Розанов, П.А. Флоренский, Е.Н. Трубецкой, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.А. Вановский)». Впервые в России и в мировой науке дана характеристика фольклорной составляющей философского наследия А.А. Вановского, исследована японская фольклорная культура как живая традиция, во многом определяющая пути развития цивилизации и смыслы национальной ментальности, а также важная роль философской фольклористики, изучающей мировоззренческие доминанты и концепты фольклора. Изучение творческого наследия А.А. Вановского поможет найти и определить гармонический синтез философии и фольклора, что, несомненно, обогатит как философскую мысль, так и отечественную фольклористику.

Ключевые слова: А.А. Вановский, русская эмиграция, культурный трансфер, рецепция, русская и японская фольклорная культура.

Информация об авторе: Алексей Леонидович Налепин — доктор филологических наук, Лауреат Государственной премии России, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: a_nalepin@mail.ru

Для цитирования: Налепин А.Л. Японский фольклор в работах А.А. Вановского и их значение для русско-японского культурного трансфера // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 276–297. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-276-297

JAPANESE FOLKLORE IN THE WORK OF ALEXANDER A. VANOVSKY AND RUSSIAN- JAPANESE CULTURAL TRANSFER

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018. A.L. Nalepin

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: March 30, 2018

Date of publication: December 25, 2018

Abstract: The article is devoted to the fate and activities in Russia and Japan of Alexander Alekseevich Vanovsky (1874–1967), a professional Russian revolutionary who became an original religious thinker and literary scholar in Japanese emigration. Particular attention is paid to the history of the reception of Vanovski Japanese folk culture through the prism of the mythological system (“Kojiki” in comparison with the Bible). The article defines the role of the folklore vector of these studies, introduces new materials into scientific circulation, explores the mechanisms of functioning of large and small cultural transfers and continues the research theme “Folklore in the works of Russian philosophers of the first third of the twentieth century (V.V. Rozanov, P.A. Florensky, E.N. Trubetskoy, B.P. Vysheslavtsev, I.A. Ilyin, A.A. Vanovsky)”. For the first time in Russia and in world science, there are given characteristics of the folklore component of the philosophical heritage of A.A. Vanovsky, studied Japanese folk culture as a living tradition, largely determining the development of civilization and the meanings of the national mentality as well as the important role of philosophical folklore, studying ideological dominants and concepts of folklore. Studying the creative heritage of A.A. Vanovsky will help to find and define a harmonic synthesis of philosophy and folklore, which will undoubtedly enrich both philosophical thought and national folklore studies.

Keywords: Alexander Vanovsky, Russian emigration, cultural transfer, reception, Russian and Japanese folk culture.

Information about the author: Alexey L. Nalepin, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: a_nalepin@mail.ru

For citation: Nalepin A.L. Japanese Folklore in the Work of Alexander A. Vanovsky and Russian-Japanese Cultural Transfer. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 4, pp. 276–297. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-276-297

Данное исследование вводит в научный оборот новые, прежде неизвестные российской фольклористике материалы, решая вполне определенную сверхзадачу — в компаративистском дискурсе расширить представления о своеобразном опыте освоения, восприятия, изучения и интерпретации творческого феномена русской народной культуры и русского фольклора в исследовательской практике русско-японского культурного трансфера, который спонтанно возник в Японской империи в 20-е гг. XX столетия. Хотелось бы, чтобы данное исследование способствовало углубленному осмыслению ключевой роли русского фольклора и русской литературы в формировании образа России в мировом культурном пространстве современности в контексте современных тенденций исследования гуманитарной науки как фактора культурного трансфера.

Понимая под термином *культурный трансфер* комплексный динамический процесс межкультурной коммуникации, следует не просто анализировать его роль в системе литературных взаимодействий, но сосредоточить особое исследовательское внимание на механизмах функционирования культурного трансфера в историческом контексте. Особое значение в этой связи имеет анализ рецепции русского фольклора и отечественных научных концепций в Японии в контексте современных тенденций исследования гуманитарной науки как фактора культурного трансфера.

Теоретики культурного трансфера отмечают, что «культурный трансфер должен рассматриваться как динамический процесс, связывающий три компонента: 1) исходную культуру, 2) инстанцию-посредника и 3) целевую культуру. Анализироваться должны объекты, практики, тексты и дискурсы, заимствованные из исходной культуры. Вторую область составляет иссле-

дование роли и функции фигур и инстанций-посредников (переводчиков, издателей, исследователей, университетов, средств массовой информации, издательств и т. д.), при этом теорию межкультурных инстанций-посредников еще только предстоит выработать. В связи с целевой культурой в центре интереса находятся как способы отбора, так и формы усвоения и виды продуктивной рецепции (перевод, формы культурной адаптации, формы творческой адаптации, подражания)» [18, с. 24]. Именно поэтому изучение истории формирования русско-японского культурного трансфера, исследование истории переводов фольклорных памятников как артефактов исходной культуры имеет важное значение.

История рецепции русской народной культуры в Японии и японской народной культуры в среде политических эмигрантов из России насчитывает всего сто лет. Тем не менее актуальность этой исследовательской задачи определяется тем обстоятельством, что фольклор, традиционная народная культура, а позже и фольклористика России всегда были и остаются явлениями живыми, едиными и всеохватными, объективно существующими и развивающимися одновременно в *национальном и международном контексте*. Именно в этом заключается особенность и русско-японского культурного трансфера.

Народная культура, безусловно, заслуживает особого интереса именно в *филологическом дискурсе*. Развитие фольклористических исследований в рамках культурного трансфера — это богатый разносторонний процесс, включающий в себя не только науку о народном творчестве, но и «прочтение» фольклорных памятников (фольклорных архетипов) на филологическом, этнографическом, историческом, социологическом, мировоззренческом уровнях.

Именно поэтому возникла необходимость в таком широком контексте исследовать русско-японский культурный трансфер как проблему *единого взаимодействия фольклористических и этнологических исследований и интерпретаций русского фольклора* в Стране Восходящего Солнца. Необходимо исходить из безусловного тезиса, что в России и в Японии эти «научные процессы не шли изолированно, но происходили в определенном культурном взаимодействии или резонансе, дополняя и корректируя друг друга» [20, с. 88; 21].

Образ России и ее фольклорной культуры в сознании японцев воспринимался противоречиво и по-разному. Первым исследователем, от-

крывшим *«русско-японское культурное трансферное окно»* и заложившим основы русско-японской научной компаративистики стал как ни странно не ученый-гуманитарий, а эмигрировавший в 1919 г. в Японию русский профессиональный революционер Александр Алексеевич Вановский.

П.В. Палиевский, размышляя об уникальности творческого таланта А.А. Вановского, отмечал: «Последние полвека своей жизни (он прожил 92 года) Вановский провел в Японии в полном одиночестве, как Робинзон на острове. В отличие от робинзоновского, остров этот обладал собственной древней и развитой культурой, что еще плотнее отъединяло его от России и европейских корней-разветвлений, если учесть противостояние тогдашней Японии этим мирам, закончившееся для нее войной 1941–1945 годов» [22, с. 77].

В 1994 г. в пятом выпуске альманаха «Российского архива» [11, с. 503–512] были опубликованы документы, относящиеся к жизни Александра Алексеевича Вановского. Эта публикация получила продолжение, выявив круг лиц, так или иначе связанных с его судьбой. Откликнулись исследователи из Японии, США, отыскалась племянница А.А. Вановского — Мира Мстиславовна Яковенко, дочь брата жены Александра Алексеевича — Веры Владимировны Вановской (урожденной Яковенко). Хранящиеся у них архивные материалы позволили по-новому взглянуть на необычную судьбу оригинального русского мыслителя, органично соединившего в своем творчестве Россию, Восток и Запад [23, с. 1–37].

Некоторые исследователи творчества А.А. Вановского утверждают, что существующие разночтения этой фамилии — «Ванновский» и «Вановский» — носят принципиальный характер. Так, Ирина Петровна Кожевникова, литературовед и искусствовед, уникальный специалист по творчеству русской художницы Варвары Дмитриевны Бубновой, более 30 лет прожившей в Японии [16; 17, с. 7–17] и воспитавшей несколько поколений японских русистов, утверждает следующее: «Мы считаем правильным придерживаться написания “Ванновский”, как он сам писал в последние годы жизни» [15, с. 149]. Однако это утверждение не вполне корректно. Двойное «н» появилось в написании его фамилии после более чем полувековой жизни в Японии, тогда как в истории русской общественной жизни он был и остается именно Вановским, профессиональным революционером, делегатом Первого съезда РСДРП, «выходцем из тамбовского села Ваново — отсюда и фамилия Вановские» [15, с. 149].

Александр Алексеевич Вановский был известен советской исторической науке как один из девяти делегатов I съезда РСДРП, проходившего в 1898 г. в Минске. Правда, в мемуарной литературе и научных исследованиях его постоянно путали и путают то с братом Виктором (тоже известным революционером), то с военным министром П.С. Ванновским.

А.А. Вановский (1874–1967) окончил 3-й Московский кадетский корпус, но оставил в 1897 г. военную службу и поступил в Московское техническое училище. В 1898 г. стал одним из организаторов Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (от Союза он и был послан делегатом на съезд в Минск). В конце 1898 г. был арестован и сослан в трехлетнюю ссылку в Вологодскую губернию, где «было много ссыльных интеллигентов: социал-демократов, социал-революционеров и просто таких, кто как-то соприкоснулся с революционным движением — оригинальный романист Алексей Ремизов, пушкинист Павел Щеголев, эсер Борис Савинков, социал-демократы Анатолий Луначарский и его шурин Александр Богданов, публицист Вацлав Воровский. В Вологде Ванновский познакомился с Н.А. Бердяевым, к которому всю жизнь питал глубочайшее уважение» [15, с. 149–150].

В конце жизни Вановский так вспоминал о своих «интеллектуальных университетах»: «Город был набит ссыльной интеллигенцией и действительно представлял собой *Северные Афины*, как мы его в то время называли. Всего больше было социал-демократов, затем шли социал-революционеры, а за ними политически неопределенные лица... Тронулись реки, а вместе с ними вниз по Сухоне тронулись и мы, ссыльные, получившие назначения в разные города обширной губернии. Нас провожали. Некоторые из уезжавших завидовали остающимся в городе, но я — нисколько, так как меня, точно путешественника, тянуло повидать новые, отдаленные места... Вскоре по приезде в Сольвычегодск я поступил на должность земского техника. Я чинил старые дороги, проводил новые, сооружал мосты, строил школы и больницы. Служба была мне по душе, тем более что она давала возможность разъезжать за казенный счет по всему огромному уезду и охотиться всюду, где заблагорассудится» [25, с. 8].

После окончания ссылки опять была подпольная работа в Ярославле и Рыбинске, активное участие в боевой группе при ЦК РСДРП, участие в военном восстании в Киеве, декабрьском вооруженном восстании в Москве,

близкое знакомство с В.И. Лениным и, наконец, — создание Московского военно-технического бюро (ВТБ) — сверхсекретной подпольной организации, занимавшейся военной и технической подготовкой вооруженного восстания. По словам самого Вановского, «это была, «вольная революционная организация», задачей которой было распространение военно-технических знаний среди членов партии для подготовки к новому вооружённому восстанию» [15, с. 150]. В ВТБ Вановский руководил разработкой новых видов оружия, в том числе ракет.

В 1906 г. Вановский написал книжку «Тактика уличного боя», ставшую весьма популярной у боевиков. В 1917 г., например, штаб Красной гвардии использовал ее для составления плана вооруженного восстания в Москве, а во второй половине XX в. книга, переведенная на испанский, стала едва ли не главным учебным пособием для участников различных левацких группировок в странах Латинской Америки. Несмотря на все старания, полиции не удалось обнаружить ни автора, ни типографии, ни тиража «Тактики уличного боя». После поражения революции не имел возможности легализоваться, так как обвинения против него были очень серьезными. «Если бы меня схватили в Киеве, — рассказывал в старости Ванновский журналисту Владимиру Цветову, — военно-полевой суд приговорил бы меня к расстрелу. В случае ареста в Москве меня ожидала виселица» [15, с. 150]. Так в ожидании либо виселицы, либо расстрела Вановский на долгие десять лет уходит в глубокое подполье. О перипетиях и особенностях революционной борьбы в России, о своем участии в этих революционных событиях Александр Вановский рассказал в воспоминаниях «Бурные годы», опубликованных в 2017 г. в XXIII томе исторического альманаха «Российский архив» [2, с. 440–468].

Эти годы стали переломными в его судьбе. Он много и увлеченно читает самую разнообразную литературу, в том числе литературоведческие и философские труды, а также труды Фрейда по психологии. Именно тогда, в 1907 г., в нем происходит духовно-нравственный перелом. Разочаровавшись в идее насильственного переустройства мира, бывший боевик Вановский признавался: «Я на политику и общественную жизнь ставлю крест... Я не могу заниматься делом, раз вижу, что оно безнадежно... Однако я не могу заглушить в себе какого-то беспокойства, тоски, желания искать лучшее, потерянное; видно, с этой неудовлетворенностью я останусь навсегда» [15, с. 150].

В поисках истинного пути человечества Вановский обращается к христианству. В своих воспоминаниях, написанных полвека спустя в Японии, он так определил эволюцию своего мировоззрения: «Я без малого провел 13 лет в рядах социал-демократической партии, боровшейся с царским правительством за “свободы” и демократию. Но никто не предсказал мне, что после 1905 года у меня явятся религиозно-философские интересы, несовместимые с марксистским пониманием истории. Я пришел к религии не через Библию и не через Канта, как Бердяев, а совершенно иным путем. Ныне коммунистическое движение уперлось в проблему нового гражданина социалистического общества, которую оно пытается разрешить средствами массового террора и психофизического насилия над личностью человека. Та же задача встала предо мной тогда, ибо я понял, что социализм невыносим без нового человека, и в поисках этого нового человека я занялся изучением трагедии, предметом которой является новое рождение [имеется в виду трагедия Вильяма Шекспира “Гамлет”. — А.Н.]. Как возможно такое духовное возрождение человека, при котором он, сохраняя свою индивидуальность, свободно будет сливать свои личные интересы с интересами общества в целом? На этом пути я обратился к Христу как к человеку, поднявшемуся в процессе трагедии на божественную высоту, при сохранении своей Индивидуальности, свободно слившему свои интересы с интересами всего человечества» [25, с. 17–18].

В 1914 г. Вановский решил легализоваться и пойти на фронт, но его одолевали сомнения: «военное начальство ведь может знать о моих “похождениях”, и если я явлюсь, то вместо фронта могу попасть на эшафот. Я долго мучился нерешительностью, но чувство патриотизма взяло верх. Меня выручила путаница, которая царила в военном ведомстве — меня (давно уже) путали с каким-то чиновником» [25, с. 18]. В ноябре 1914 г. Вановский получил должность младшего офицера седьмой роты 84 пехотного запасного полка, а 8 марта 1916 г. за военные заслуги социал-демократ, находящийся к тому же на нелегальном положении, был награжден орденом Святой Анны III степени с мечами и бантом и направлен в офицерскую электротехническую школу. Его откомандировали в Хабаровск и назначили начальником радиостанции. В революционные дни 1917 г. Александр Алексеевич избирается в Хабаровский Совет рабочих и солдатских депутатов, но в 1919 г. заболевает тяжелым нервным расстройством и уезжает в Японию для лечения.

Его отъезду предшествовало некое пророческое явление, побудившее его совершить резкий поворот в его судьбе. Как рассказывает И.П. Кожевникова, Вановский «выходит из партии и отходит от всякой политической деятельности. Заработок на жизнь ему дает его техническое образование. Некоторое время он работает от Переселенческого управления в лесах Западной Сибири, в Томском уезде. Там ему приснился вещий сон, по его словам — “замечательное сновидение”, которое он назвал “космическим”. Будто он находится в большом городе, а вверху блистает грандиозный фейерверк небесных огней, похожих на извержение вулкана. По небу двигаются сияющие планеты, оставляя сверкающие следы. С высоты небес медленно спускается бесконечная вереница людей в пламенных одеждах, их черные волосы и желтоватые лица придают им восточный вид. Вокруг одной из планет вьются огненные вихри, и на одно из мгновений она показалась Ванновскому раскрытой книгой, листы которой треплет ветер. На черном как уголь небе остаются сверкающие следы от движущихся светил, которые, переплетаясь, складываются в сложный узор, похожий на огненные письма. Склонный к предчувствиям и предзнаменованиям, Ванновский расшифровал этот сон так: ему суждено будет попасть в страну с действующими вулканами и большими городами, где живут люди с жёлтой кожей, т. е. в Японию. Огненные письма он понял, как указание на таинственную книгу, которую ему суждено будет расшифровать, а в планете, похожей на книгу с трепещущими листьями, — намек на “Апокалипсис”, которым он в то время начал интересоваться» [15, с. 150–151].

В 1918 г. в Хабаровске вышла в свет небольшая книжка Вановского «Знамя Возрождения» — своеобразный прощальный манифест, где он призывает к прекращению братоубийственной войны, видя спасение только в религии: «Мы истекаем кровью гражданской войны и взаимной ненависти, и никакая сила не может спасти нас от грядущего рабства. Спасение единственно в обращении к заступничеству Небесной Водительницы. И если мы поймем, что великое будущее нашей страны требует от нас великого единения в борьбе за гражданина нового, действительно трудового общества, в котором “несть ни эллин, ни иудей”, “ни пролетарий, ни буржуй”, а есть только работники духа, творцы общечеловеческих ценностей, то мы поймем также и бессмыслицу кровавого хаоса, в котором пребываем, и найдем средство к его преодолению. Все существующие политические партии,

как отравленные при самом своем зарождении затхлым воздухом старого мира, пропитанные мракобесием, нигилизмом, обывательским эгоизмом и человеконенавистничеством большевики, меньшевики, эсеры, кадеты, монархисты, анархисты должны пройти сквозь пламя борьбы за личность, все должны вывариться в котле творческого духа» [25, с. 19; 5]. И далее: «наши доморощенные Моисеи связывают борьбу за материальные интересы с разнуданием в человеке зверя, а не с борьбой за личность» [25, с. 19; 5].

Существует легенда: Вановский неожиданно покинул Россию и, приехав в Японию, поселился у подножия Фудзиямы и стал вести жизнь отшельника, основав что-то вроде мистической религиозной секты, имел множество последователей среди японцев. На самом деле все было гораздо прозаичней: он стал преподавать русскую литературу в Токийском университете и занялся изучением культуры и мифологии Японии, а также восточных философий и религий.

Важную роль в этот период его жизни сыграл живший тогда в Японии русский журналист и переводчик Михаил Петрович Григорьев (1899–1943).

«Атаману Григорию Семёнову, — как отмечает современный исследователь, — ставшему в ноябре 1918 года полновластным хозяином Забайкалья, катастрофически не хватало офицерских кадров. А потому, как отметил историк Владимир Василевский, кроме традиционной мобилизации офицеров атаман “принял меры по подготовке новых командных кадров”. С этой целью 14 ноября 1918 года в Чите была создана Имени атамана Семёнова Военная школа, начальником которой назначен полковник М. Лихачёв. Позднее, 17 апреля 1919 года, школу преобразовали в Читинское Имени атамана Семёнова военное училище» [1, с. 1]. В сентябре 1945 г. казачий атаман, активный деятель Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке, генерал-лейтенант Белой армии Г.М. Семенов (1890–1946) был арестован СМЕРШем в Маньчжурии и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был повешен как военный преступник, как «враг советского народа и активный пособник японских агрессоров».

В 1918 г. будущий офицер «семеновского производства» М.П. Григорьев после окончания гимназии в Чите поступил в Читинское военное училище. В 1920 г. был произведен в подпоручики и по поручению атамана Семенова назначен офицером для связи с Военной миссией японской армии. В том же году был направлен в Японию для усовершенствования япон-

ского языка, который начал изучать еще в Читинском военном училище. До 1939 г. проживал в Токио, где в 1921–1930 гг. преподавал русский язык в военном училище, в Генеральном штабе и в Колониальном институте, а с 1928 г. совмещал преподавательскую деятельность со службой в правлении нефтяной компании «Кита карафуту». В Токио Григорьев женился на своей ученице — японке Ае Аракава, которая, приняв православие, стала именоваться Верой Александровной. Их дочери Кира и Нина впоследствии тоже приняли православие. Но при этом уклад семьи был построен по японским обычаям и традициям. В 1939 г. М.П. Григорьев в качестве агента Отдела печати при Кабинете президента Южно-Маньчжурской железной дороги прибыл в Харбин и здесь принял активное участие в начавшем только что издаваться журнале «Восточное обозрение», который сыграл огромную роль в становлении русско-японского культурного трансфера.

В 1940 г. Григорьев был переведен в Дайрен — так стал называться после поражения России в русско-японской войне 1905 г. русский город Дальний, основанный русскими в Южной Маньчжурии в 1898 г. [24, с. 3]. В дайренской гимназии он преподавал японский язык и основы японской культуры, продолжая в то же время работать в «Восточном обозрении».

Традиционно считается, что Михаил Петрович Григорьев является одним из лучших русских японоведов XX в. В 1943 г. А.А. Вановский в статье «Памяти М.П. Григорьева», опубликованной в журнале «Восточное обозрение» после трагической и во многом загадочной смерти этого выдающегося русского ученого, утверждал, что «если начало торгового проникновения русских в Японию было положено Лаксманом, Шелеховым и Резановым, а политического — Путятиним, то проникновение их в неведомую доселе область японской литературы началось с Григорьева» [9, с. 3]. Современные ученые-японоведы разделяют эту точку зрения.

Роль М.П. Григорьева в научной судьбе А.А. Вановского как ученого-японоведа была не просто значительной, но во многих отношениях даже определяющей. Вановский приехал в Страну Восходящего Солнца, как говорится, «без языка». К тому же японская народная культура первоначально была для него полной «terra incognita», и именно М.П. Григорьев стал для Вановского его мудрым Вергилием, проводшим русского неопита по лабиринтам загадочного японского мироустройства и особой японской ментальности. Эти просветительские беседы-диспуты приобщили Вановского

к Филологии в высшем, античном смысле этого слова — как к содружеству наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке, истории и литературном творчестве. Эта своеобразная учеба более напоминала интеллектуальное воспитание личности и продолжалась вплоть до отъезда Григорьева в 1940 г. в Дайрен. Племянник М.П. Григорьева, американский историк русского происхождения Пол Грегори рассказывает об этом периоде сотворчества Вановского и Григорьева следующее: «С 1921 года Михаил Григорьев начал преподавать русский язык в военном училище, в Генеральном штабе и в Колониальном институте, а с 1928 года совмещал преподавательскую деятельность со службой в правлении нефтяной компании “Кита Карафуту” (“Северный Сахалин”)» [15, с. 155]. Кроме того, он делал переводы, в том числе для лектора университета Васэда Александра Ванновского. Но это всё, так сказать, для тела. Для души же главным делом стали переводы на русский классических японских произведений.

В биографической справке, опубликованной в 1997 г. в энциклопедическом словаре «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века», о нем сказано: «Не получив никакого филологического образования, Григорьев практически освоил японский язык и стал японоведом “божьей милостью”. Мечтал написать историю Японии, иллюстрируя каждый её этап переводами художественных произведений. С начала 30-х изучал вместе с Ванновским древнейший памятник японской литературы “Кодзики” (“Записи о делах древности”). Опубликовал он свой перевод в 1935 г. А в конце 30-х гг. Григорьев работал над изданием на русском языке японских сказок. В 1938 г. переехал в Китай, как оказалось, навсегда. Стал работать переводчиком при Южно-Маньчжурской железной дороге. Одновременно стал сотрудничать с журналом для русских писателей “Восточное обозрение”» [10].

Это был очень продуктивный период его переводческой работы. «Делавшиеся М.П. Григорьевым прекрасные переводы литературных произведений крупнейших ниппонских (так в то время именовали все японское) писателей составляли украшение издаваемого отделом печати ЮМЖД журнала “Восточное обозрение”, — писал его коллега по работе в отделе А. Ларин. — Кроме того, в его же талантливом переводе издательством “Восточное обозрение” были выпущены сборники рассказов Кан Кикучи “По ту сторону мести” и Р. Акутагава “Событие в аду”. Специально для газеты

“Время” М.П. Григорьев переводил большой роман японского писателя Робан Коода “Пятиярусная пагода”. К сожалению, перегруженность работой заставила его временно прервать перевод этого романа, печатавшегося в воскресном приложении нашей газеты. В будущем он собирался продолжать перевод этого романа, не предвидя, что смерть так скоро прервет его жизнь...» [15, с. 155–156].

Он погиб в самый разгар Второй мировой — 16 июля 1943 г. при так до конца и не выясненных обстоятельствах. По одной из версий, его убили японские жандармы, заподозрив в работе на советскую разведку...

В 90-е гг. XX в. его работы вернулись на Родину, а его имя постепенно заняло достойное ему место в научном и литературном мире» [1, с. 3–4].

В Японии Вановский прожил около пятидесяти лет, он был преподавателем и профессором нескольких университетов, в том числе университета Васэда. Во многом именно благодаря интеллектуальной поддержке М.П. Григорьева А.А. Вановский приобщился к японистике и стал со временем признанным авторитетом в этой области. Его вклад в японистику и японскую русистику, в становление русско-японского культурного трансфера, где значительную роль играет именно народная культура и народное христианство, значителен, что признают многие исследователи.

26 апреля 1932 г. в японском обществе «Мейдзи» Вановский прочитал доклад «Мифология Кодзики и Библия», где сравнивал мифы о творении мира, а в 1934 г. в парижском журнале «Путь» он опубликовал статью «Мифология Кодзики и Библия» [7, с. 38–55; 6], которая впоследствии стала частью большого труда, посвященного сравнительному анализу мифологической системы Кодзики и первых шести глав книги Бытия и Апокалипсиса. Позднее многие выводы доклада вошли в фундаментальную книгу Вановского «Кодзики. Вулканы и Солнце. Новый взгляд на мифологию “Кодзики”» [3], где он впервые проанализировал японскую и европейскую мифологические системы. Следует отметить, что отечественное японоведение в те же годы весьма интенсивно изучало «Кодзики». Были введены в научный оборот признанные классическими русские переводы и исследования эпических памятников, сделанные академиком Н.И. Конрадом, профессорами Е.М. Пинус, Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещеряковым. И, наконец, в 1994 г. были опубликованы в переводе на русский язык тексты трех свитков «Кодзики» [13; 14].

Следует подчеркнуть, что японская фольклорная система коренным образом отличается от европейской и русской. В фольклорной культуре Японии сложилась иная традиция: «...у каждого прославленного сочинения должен был быть автор, в крайнем случае допускалось содружество двух таких авторов. Именно так, согласно традиции, появилось в 712 году, на заре японской истории, древнейшее произведение японской литературы “Записи о древних делах” (яп. Кодзики)» [19, с. 3]. Согласно устоявшейся в Японии традиции, некий «ученый монах» создавал эпическое произведение, а затем обучал певца-сказителя исполнять это произведение. В так называемый донаучный период японской фольклористики считалось, что в «Кодзики» творцы этого эпоса «как бы поменялись местами: сперва, как сказано в предисловии, слепой певец выучил наизусть мифы и легенды, бытовавшие в народе, а уж потом некий ученый муж оформил и записал их в назидание потомкам... Однако современная филологическая наука, не отрицая важной, благотворной роли людей, превращавших устные сказы в произведения литературы, убедительно доказывает иное, фольклорное происхождение эпических памятников Японии» [19, с. 3].

Псевдоним «И. Львова» принадлежал известному отечественному японисту, литературоведу, переводчику с японского и древне-японского языка Ирине Львовне Иоффе (1915–1989), которая при анализе другого, более позднего по времени создания эпического памятника древней Японии «Повести о доме Тайра» (XIII в.) пришла к важному теоретическому выводу, универсальному для японской эпической традиции любого исторического периода: «Став произведением литературы, “Повесть” обрела новую, качественно отличную жизнь; произошла своего рода дефольклоризация эпоса» [19, с. 4].

Русскому эмигранту в Японии А.А. Вановскому, талантливому инженеру, профессиональному военному и к тому же профессиональному революционеру, имевшему лишь гимназический опыт знакомства с европейской эпической традицией (русское «Слово о полку Игореве», германская «Песнь о Нибелунгах», французская «Песнь о Роланде»), предстояло вместе с М.П. Григорьевым понять и разобраться с премудростями японской эпической традиции, не имеющей аналогов в европейском эпическом пространстве. Современная наука определяет «Кодзики» как «крупнейший памятник японской литературы, сборник космогонических, героических

мифов и исторических сказаний. Один из первых письменных памятников Японии. Был записан придворным О-но Ясумаро со слов сказителя в 712 году. Состоит из трех свитков» [26, с. 425]. А.А. Вановский рассматривал этот эпический памятник не с точки зрения этнографических смыслов и понятий, а с точки зрения поведенческих характеристик героев, философских характеристик и умозаключений, и достижения их нравственного долженствования: «Я подхожу к Кодзики не как к этнографическому материалу, а как к художественному произведению и потому для меня на первом плане стоит вопрос об установлении сюжета и о психологической стороне действия» [7, с. 38]. Достаточно подробно мифологические разыскания «задумавшегося» русского эмигранта в Японии исследовала И.П. Кожевникова [15, с. 153–161]. Постараемся определить то главное, что «открыл» для себя А.А. Вановский.

Весной 1941 г. он завершил свою книгу «Вулканы и Солнце. Новый взгляд на мифологию “Кодзики”», где убедительно доказал, «что ключом к пониманию Кодзики является вулканическая природа Японии» [15, с. 156]. Проанализировав на первый взгляд алогичные поступки японских богов Творения с точки зрения географии и геологии японских островов, он выявил специфическую японскую логику японского менталитета и японских мифов Творения. Сравнивая «Кодзики» с Библией, он отмечает совпадение методов Творения. И.П. Кожевникова пишет: «В Библии Бог творит посредством Слова, в Кодзики бог Амэ-но-Минака-нуси — Властитель небесного царства — творит посредством своей творческой энергии через других богов, чьи имена указывают на порядок и предмет творения. Выходит, считает автор, что японские боги — это те же библейские слова, с помощью которых творился миф, только персонифицированные и обожествлённые. Такое сходство наталкивает на мысль, что оба мифа вышли из какого-то одного источника, которым Ванновский вслед за некоторыми японскими учёными считает мифы древней Месопотамии» [15, с. 159].

Мифологические разыскания А.А. Вановского не получили должной оценки в японской науке. Следует согласиться с компетентным мнением И.П. Кожевниковой, утверждавшей следующее: «Но нельзя не признать, что по-настоящему широкого отклика книга Ванновского не получила и сейчас совершенно забыта. Дело, думается, заключалось не в самой работе, а в том времени, когда она появилась. После разгрома в войне японского

милитаризма и безоговорочной капитуляции Японии в стране начались демократические преобразования. Синтоизм же с его библией Кодзики, который в годы войны стал идеологией военных, подводивших с его помощью теоретический базис под свою безудержную экспансию и оправдывавших ее “особой ролью японской нации” был скомпрометирован в глазах широких кругов и отошёл в тень. Даже император, “Сын Неба” по Кодзики и прямой потомок богини Аматэрасу, по новой конституции стал только “символом японского народа”, а название страны “Японская империя” было заменено на более скромное — “Японское государство”» [15, с. 160–161].

В середине 1930-х гг. Вановский публикует работу «Зеркало судьбы» [4], посвященную вешему сну пушкинской Татьяны. Пережив нелегкие годы Второй мировой войны (он был интернирован как иностранец в лагерь), Александр Алексеевич дождался лучших дней: его книги и статьи начинают активно печатать, он становится преподавателем русского языка на курсах при Министерстве иностранных дел Японии, что значительно улучшило его материальное положение. В 1965 г. выходит его самая известная книга «Третий завет и Апокалипсис» [12] с посвящением «Светлой памяти моего друга и учителя Николая Александровича Бердяева». Путь Вановского к христианству был самобытен и нетрадиционен, и все же книга «Третий Завет и Апокалипсис» во многом созвучна идеям С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, Д.С. Мережковского.

Как итог творческих исканий Вановского, в 1962 г. на английском языке была издана книга «Путь Иисуса от иудаизма к христианству (обнаружение скрытого иудейского сюжета в трагедии “Гамлет”» [27]. Это самая неудобная для восприятия книга: ведь за образом Гамлета для Вановского встает образ Христа, тем самым трагедия обретает второй, потаенный, смысл.

Постоянной целью мыслителя был поиск ответа на вопрос, каким должен быть человек, чтобы на земле могло состояться справедливое общество. В предисловии к книге он отмечал: «С мироощущением революционера подошел я к Шекспиру, и оно поддерживало меня в борьбе с веками, ревниво оберегающими свои тайны. Я понял трагедию как революцию духа, в которой Логос, стремясь к воплощению в героя, выступает в качестве новатора, разрушающего древний храм иудаизма и воздвигающего новый храм христианской религии» [8].

А.А. Вановский скончался в Токио в возрасте 93 лет. Его японский друг Сабуро Симано писал М.М. Яковенко:

Как у Александра Алексеевича была своя философия и своя вера, так и у меня своя философия, свое мировоззрение. Мы различились между собой по некоторым вопросам в этой области, но, конечно, это нисколько не мешало нашей крепкой дружбе, потому что мы были — это самое главное — духовно близки. Мы оба хорошо знали, что человек окружен со всех сторон «Великой Неизвестностью», что древними мудрецами называлось «Неизвестным Богом»...

Судьба оказалась жестока к Александру Алексеевичу. Ему бы умереть в России, в окружении любимых и любящих людей, а он умер даже не дома, в своей любимой квартире, где на стене висела икона, и от всего уклада веяло чем-то неизменно русским.

Из-за чего так случилось? По воле неизвестного никому бога? Не знаю. Не дано знать... Так как Александр Алексеевич хотел после земной жизни поселиться около горы, Виштак-сан, считаясь с его желанием, похоронил его останки у подножия горы Такао, что недалеко от Токио [25, с. 36].

Вклад А.А. Вановского в отечественную и мировую культуру трудно переоценить. Его деятельность по созданию полноценного русско-японского культурного диалога, где русский и японский фольклор в том или ином виде сыграл свою интеллектуально-просветительскую роль, открыла для Японии и России культурный трансфер самого высокого уровня. Не случайно до сего дня все японские русисты считают себя учениками А.А. Вановского. Огромная роль в этом процессе принадлежит «фольклорной составляющей». Проведя в книге «Кодзики (Вулканы и Солнце)» сравнительный анализ японских мифов, Вановский пришел к важному выводу, что в так называемый мифический период Японии важную роль играли не только небеса (как в русском фольклоре, например), но и вулканы. По свидетельству влиятельной синтоистской газеты «Священный путь» от 1 апреля 1961 г., «с первой страницы до последней книга А.А. Вановского полна серьезным научным материалом, но, благодаря мастерскому изложению писателя, она легко читается. “Вулканы и Солнце” содержит совершенно новый взгляд на

Кодзики. До сих пор ни в одной книге не читал и не слышал такого толкования. По прочтении “Вулканы и Солнце” передо мной впервые открылся мир наших мифов. И особенно замечательно, что эта ясная картина дана иностранным ученым, а не японским» [25, с. 23]. «Фольклорная составляющая» присутствует и в работах А.А. Вановского, посвященных творчеству А.С. Пушкина. Так, в статье «Зеркало судьбы», где анализируется сон Татьяны перед ссорой Онегина с Ленским, важную сюжетобразующую роль играют вещие сны, приметы, оборотни русских сказок и поверий (Онегин в образе медведя).

И в заключение еще одна цитата: «В 1960 году на английском вышла в Токио книга: “Вулканы и Солнце. Новая концепция мифологии Кодзики”. В предисловии к ней знаток вопроса профессор Сайто Шо написал: “Эта книга не рядовая прогулка или поверхностное впечатление. М-р Вановский твердо верит, что рука судьбы привела его в Японию. Он — социальный реформист, большой друг Богданова, верный последователь греческой православной церкви; его юмор и гуманизм — это юмор и гуманизм Толстого и Достоевского”» [22, с. 79].

Список литературы

- 1 *Баринов А.* Грегори о Григорьеве // Читинское Обозрение. 2015. № 3 (1331). С. 1–4.
- 2 *Вановский А.А.* «Бурные годы» Александра Вановского // Российский Архив. М.: Российский фонд культуры, 2017. Вып. 23. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. ММХIII. С. 440–468.
- 3 *Вановский А.А.* Вулканы и солнце. Новый взгляд на мифологию «Кодзики». Токио: Bridgeway Press, 1960. 111 с.
- 4 *Вановский А.А.* Зеркало судьбы (Сон Татьяны) // На Востоке. Выпуск первый. Токио, 1935. URL: <http://www.emigrantica.ru/item/na-vostoke-tokio-1935> (дата обращения: 10.02.2018).
- 5 *Вановский А.А.* Знамя Возрождения. Хабаровск, 1918. URL: <http://orient.rsl.ru/assets/files/food/201-vanovsky.pdf> (дата обращения: 09.02.2018).
- 6 *Вановский А.А.* Миф о творении в Кодзики и Библии. Отрывки из книги «Вулканы и Солнце» // *Яковенко М.М.* Мечтатель. Повесть о А.А. Вановском. М., 1999. С. 37–47.
- 7 *Вановский А.А.* Мифология Кодзики и Библия // Путь. Париж, 1934. № 42 (Январь–март). С. 38–55.

- 8 Вановский А.А. Новые данные о влиянии Шекспира на Пушкина. Загадка мести за душу // Исследования по зарубежной литературе. Токио: Издательство Синтёса, 1923. С. 21–47.
- 9 Вановский А.А. Памяти Михаила Петровича Григорьева // Восточное обозрение. 1943 (Дайрен, июль–сентябрь). № 16. С. 3.
- 10 Вановский А.А. Преображенное бусидо // Восточное обозрение. 1944 (Дайрен, апрель–июнь). № 19. URL: <http://www.emigrantica.ru/item/vostochnoe-obozrenie-kharbin-1939-dairen-19391945> (дата обращения: 11.02.2018).
- 11 Вановский А.А. Рассказ «Японский богатырь» и два письма к Н.А. Бердяеву // Российский Архив. М.: Российский архив, 1994. Т. 5. С. 503–512.
- 12 Вановский А.А. Третий завет и Апокалипсис (Новые данные о жизни, личности и учении Спасителя мира). Токио: Shimano, 1965. С. 1–102.
- 13 Кодзики. Записи о деяниях древности. Свиток 1-й. СПб.: Изд-во Шар, 1994. 320 с.
- 14 Кодзики. Записи о деяниях древности. Свиток 2-й и 3-й. СПб.: Изд-во Шар, 1994. 256 с.
- 15 Кожевникова И.П. Ванновский и Япония // Acta Slavica Iaponica. 1995. V. 13. С. 149–166.
- 16 Кожевникова И.П. Варвара Бубнова, русский художник в Японии. М.: Наука, 1984. 224 с.
- 17 Кожевникова И.П. Варвара Бубнова — художник, исследователь, человек // Варвара Дмитриевна Бубнова. Русская художница в Японии. Статьи. Воспоминания. Каталог выставки. М.: Министерство культуры СССР, 1989. С. 7–17.
- 18 Лобачёва Д.В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8 (98). С. 23–27.
- 19 Львова И. Предисловие к «Повести о доме Тайра» // «Повесть о Доме Тайра». Эпос (XIII век). М.: Худож. лит., 1982. С. 3–24.
- 20 Налепин А.Л. Роль русской науки в становлении Британской фольклористической русистики и изучение жанрового своеобразия русского фольклора в трудах британских «славянофилов» // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 88–108.
- 21 Налепин А.Л., Померанская Т.В. Путь и судьба Александра Вановского // Восточная коллекция. 2001. № 2. С. 129–133.
- 22 Палиевский П.В. Пушкинское эхо из Японии // Родная Кубань. 1999. С. 77–80.
- 23 Такинами Хитэко. Ванновски-но Рякуэн-то Канкэи Сирё // Васэда Дайгаку Тосёкан Киё. 1989. № 37. С. 1–37. (Такинами Хитэко. Краткая биография А.А. Ванновского и материалы, связанные с ним // Библиотечные труды Университета Васэда. 1989. № 37. С. 1–37.)
- 24 Хисамудинов А.А. Русские в Дайрене. Монография. Научное электронное издание. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2015. С. 1–11.

- 25 Яковенко М.М. Мечтатель. Повесть о А.А. Вановском. М., 1999. 47 с.
- 26 Японская мифология. Энциклопедия. М.: Эксмо, 2007. 464 с.
- 27 Vanovsky A. The Path of Jesus from Judaism to Christianity as Conceived by Shakespeare. Disclosure of a Hidden Jewish Plot in Shakespeare's Tragedy «Hamlet». Tokyo: S.G. Vishtak, 1962. P. 1–327.

References

- 1 Barinov A. Gregori o Grigor'evе [Gregory about Grigoriev]. *CHitinskoe Obozrenie*, 2015, no 3 (1331), pp. 1–4. (In Russ.)
- 2 Vanovskij A.A. “Burnye gody” Aleksandra Vanovskogo [“Stormy years” by Alexander Vanovsky]. *Rossijskij Arhiv. Vyp. 23. Istoriya Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv. Al'manah. Tom MMXIII* [Russian archive. Issue 23. History of the Motherland in testimonies and documents, 18th–20th centuries. Annual. Vol. MMXIII]. Moscow, Rossijskij fond kul'tury Publ., 2017, pp. 440–468. (In Russ.)
- 3 Vanovskij A.A. *Vulkany i solnce. Novyj vzglyad na mifologiyu “Kodziki”* [Volcanoes and the sun. A new perspective at the mythology of “Kojiki”]. Tokio, Bridgeway Press Publ., 1960. III p. (In Russ.)
- 4 Vanovskij A.A. Zerkalo sud'by (Son Tat'yany) [Mirror of fate (Tatyana's Dream)]. *Na Vostoke. Vypusk pervyj* [At the East. Issue 1]. Tokio, 1935. Available at: <http://www.emigrantica.ru/item/na-vostoke-tokio-1935> (Accessed 10 February, 2018). (In Russ.)
- 5 Vanovskij A.A. *Znamya Vozrozhdeniya* [The banner of revival]. Habarovsk, 1918. Available at: <http://orient.rsl.ru/assets/files/food/201-vanovsky.pdf> (Accessed 9 February, 2018). (In Russ.)
- 6 Vanovskij A.A. Mif o tvorenii v Kodziki i Biblii. Otryvki iz knigi “Vulkany i Solnce” [The creation myth in the Kojiki and the Bible. Excerpts from the book *Volcanoes and the Sun*]. *Yakovenko M.M. Mechtatel'. Povesť o A.A. Vanovskom* [A Dreamer. The story of Alexander A. Vanovsky]. Moscow, 1999, pp. 37–47. (In Russ.)
- 7 Vanovskij A.A. Mifologiya Kodziki i Bibliya [The mythology of the Kojiki and the Bible]. *Put'*, Paris, 1934, no 42 (January–March), pp. 38–55. (In Russ.)
- 8 Vanovskij A.A. Novye dannye o vliyanii SHekspira na Pushkina. Zagadka mesti za dushu [New data on Shakespeare's influence on Pushkin. The mystery of revenge for the soul]. *Issledovaniya po zarubezhnoj literature* [Studies in foreign literature]. Tokio, Sintyosya Publ., 1923, pp. 21–47. (In Russ.)
- 9 Vanovskij A.A. Pamyati Mihaila Petrovicha Grigor'eva [In Memory Of Mikhail Grigoriev]. *Vostochnoe obozrenie*, 1943 (Dairen, July–September), no 16, p. 3. (In Russ.)
- 10 Vanovskij A.A. Preobrazhennoe busido [Transformed Bushido]. *Vostochnoe obozrenie*, 1944 (Dairen, April–June), no 19. Available at: <http://www.emigrantica.ru/item/vostochnoe-obozrenie-kharbin-1939-dairen-19391945> (Accessed 11 February, 2018). (In Russ.)

- 11 Vanovskij A.A. Rasskaz “Yaponskij bogatyr” i dva pis'ma k N.A. Berdyaevu [The story *Japanese hero* and two letters to Nikolay A. Berdyaeu]. *Rossijskij Arhiv. Tom pyatij* [Russian archive]. Moscow, Rossijskij arhiv Publ., 1994, vol. 5, pp. 503–512. (In Russ.)
- 12 Vanovskij A.A. *Tretij zavet i Apokalipsis. (Novye dannye o zhizni, lichnosti i uchenii Spasitelya mira)* [The third Covenant and the Apocalypse. (New data on life, personality, and teaching of the Savior)]. Tokyo, Shimano Publ., 1965, pp. 1–102. (In Russ.)
- 13 *Kodziki. Zapisi o deyanijah drevnosti. Svitok 1-j* [Koziki. Records of antiquity. Scroll 1st]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SHar Publ., 1994. 320 p. (In Russ.)
- 14 *Kodziki. Zapisi o deyanijah drevnosti. Svitok 2-j i 3-j* [Koziki. Records of antiquity. Scroll 2nd and 3rd]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SHar Publ., 1994. 256 p. (In Russ.)
- 15 Kozhevnikova I.P. Vannovskij i Yaponiya [Vannovsky and Japan]. *Acta Slavica Iaponica*, 1995, vol. 13, pp. 149–166. (In Russ.)
- 16 Kozhevnikova I.P. *Varvara Bubnova, russkij hudozhnik v Yaponii* [Varvara Bubnova, Russian painter in Japan]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 224 p. (In Russ.)
- 17 Kozhevnikova I.P. Varvara Bubnova — hudozhnik, issledovatel', chelovek [Varvara Bubnova as an artist, researcher, and person]. *Varvara Dmitrievna Bubnova. Russkaya hudozhnica v Yaponii. Stat'i. Vospominaniya. Katalog vystavki* [Varvara Dmitrievna Bubnova, Russian artist in Japan. Essays, memoir. Exhibition catalogue]. Moscow, Ministerstvo kul'tury SSSR Publ., 1989, pp. 7–17. (In Russ.)
- 18 Lobachyova D.V. Kul'turnyj transfer: opredelenie, struktura, rol' v sisteme literaturnyh vzaimodejstvij [Cultural transfer: definition, structure, and the role in the system of literary activities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2010, no 8 (98), pp. 23–27. (In Russ.)
- 19 L'vova I. Predislovie k “Povesti o dome Tajra” [Preface to *The Tale of the house of Tyra*]. “Povesti o dome Tajra”. *Epos (XIII vek)* [Tales of the house of Tyra. Epos, 13th century]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1982, pp. 3–24. (In Russ.)
- 20 Nalepin A.L. Rol' russkoj nauki v stanovlenii Britanskoj fol'kloristicheskoj rusistiki i izuchenie zhanrovogo svoeobraziya russkogo fol'klora v trudah britanskih “slavyanofilov” [The role of Russian science in the formation of British folklore and the study of the generic originality of Russian folklore in the works of British “Slavophiles”]. *Russkaya literatura v zerkalah mirovoj kul'tury: recepciya, perevody, interpretacii* [Russian literature in the mirrors of world culture: reception, translations, and interpretations]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015, pp. 88–108. (In Russ.)
- 21 Nalepin A.L., Pomeranskaya T.V. Put' i sud'ba Aleksandra Vanovskogo [Life and fate of Alexander Vanovsky]. *Vostochnaya kollekcija*, 2001, no 2, pp. 129–133. (In Russ.)
- 22 Palievskij P.V. Pushkinskoe ehkho iz Yaponii [Pushkin's echo from Japan]. *Rodnaya Kuban'*, 1999, pp. 77–80. (In Russ.)

- 23 Takinami Hitehko. Vannovski-no Ryakuehn-to Kankehi Siryo. *Vasehda Dajgaku Tosyokan Kiyo*, 1989, no 37, pp. 1–37. [Brief biography of Alexander A. Vanovsky and materials related to him. *Library studies of Casehda University*, 1989, no 37, pp. 1–37]. (In Japanese)
- 24 Hisamutdinov A.A. *Russkie v Dajrene. Monografiya. Nauchnoe ehlektronnoe izdanie* [Russians in Dairen. Monograph. Scientific electronic publication]. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta Publ., 2015, pp. 1–11. (In Russ.)
- 25 Yakovenko M.M. *Mechtatel'. Povešt' o A.A. Vanovskom* [A Dreamer. The story of Alexander A. Vanovsky]. Moscow, 1999. 47 p. (In Russ.)
- 26 *Yaponskaya mifologiya. Enciklopediya* [Japanese mythology. Encyclopedia]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)
- 27 Vanovsky A. *The Path of Jesus from Judaism to Christianity as Conceived by Shakespeare. Disclosure of a Hidden Jewish Plot in Shakespeare's Tragedy "Hamlet"*. Tokyo, S.G. Vishtak Publ., 1962, pp. 1–327. (In English)